

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Список школьной литературы 7-8 класс

Николай Заболоцкий
Стихотворения

«ФТМ»
1926-1958

Заболоцкий Н. А.

Стихотворения / Н. А. Заболоцкий — «ФТМ»,
1926-1958 — (Список школьной литературы 7-8 класс)

Красота и трагизм природы, человек, его отношения с природой, его душа и творческий труд, любовь, социальные мотивы – все это мы находим в стихах интереснейшего поэта прошедшего века Н.А.Заболоцкого (1903–1958). Его поэзия продолжает великую традицию русской философской лирики и занимает достойное место в сокровищнице классической литературы. В этой книге представлен заключительный свод произведений Заболоцкого, составленный им незадолго до смерти и включающий смелые, гротескные стихотворения 20-х годов и классически ясные произведения более позднего периода.

Содержание

Путь поэта	5
Столбцы и поэмы	11
Городские столбцы	11
Белая ночь	11
Вечерний бар	12
Футбол	13
Офорт	15
Болезнь	15
Игра в снежки	16
Часовой	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Николай Заболоцкий

Стихотворения

Путь поэта

Николай Алексеевич Заболоцкий родился в 1903 году в Казани, где его отец заведовал земской сельскохозяйственной фермой. Когда мальчику исполнилось семь лет, семья переехала в село Сернур (ныне это районный центр Марийской республики) и уже в 1917 году – в город Уржум Вятской губернии. Отец-агроном надеялся сделать из старшего сына своего приемника и не раз брал его в служебные поездки по окрестным полям и деревням. С ранних лет поэт полюбил природу, узнал, как живут и трудятся крестьяне, понял, в чем смысл научного преобразования сельского хозяйства. Впечатления детства дали богатый материал для будущих размышлений Заболоцкого над взаимоотношениями человека и природы. «Свою сознательную жизнь я почти полностью прожил в больших городах, – писал он в автобиографическом очерке «Ранние годы», – но чудесная природа Сернура никогда не умирала в моей душе и отобразилась во многих моих стихотворениях». Но не поездки отцом, не химические опыты в чулане родительского дома и даже не острые впечатления от лесов, полей и речек чудесного Вятского края решили судьбу Заболоцкого. Семилетним ребенком он выбрал вою профессию около отцовского книжного шкафа, где были собраны произведения русской и мировой классики, комплекты журнала «Нива». Потом он вспоминал, что с семилетнего возраста начал писать стихи, а к двенадцати годам уже порядочно знал русскую литературу.

В 1920 году, окончив Уржумское реальное училище, Заболоцкий покинул родительский дом и отправился сначала в Москву, а на следующий год – в Петроград, где поступил на отделение языка и литературы Педагогического института имени А.И. Герцена. Будучи студентом, он настойчиво искал свой путь в поэзии, но долгое время собственного голоса не находил. К опыту старших современников он относился настороженно. После недолгого увлечения отверг в качестве непосредственных учителей И. Северянина, К. Бальмонта, С. Есенина, А. Ахматову, В. Маяковского. В юности его особенно интересовали символисты. Его привлекало их активное, личностное осмысление внешних проявлений жизни, но отталкивало стремление превратить объективное бытие лишь в символ, за которым скрываются собственные творческие опыты и фантазии. Из старых поэтов на всю жизнь полюбил Г. Державина, А. Пушкина, Ф. Тютчева, Е. Баратынского, Гете, с большим увлечением изучал поэзию О. Мандельштама и особенно В. Хлебникова. В круг своих интересов он включил и важнейшие проблемы современности. В одном из писем конца 1921 года писал: «Родина, мораль, религия – современность – революция – точно тяжелая громада, висят над душой эти гнетущие вопросы». Заболоцкий-студент порой с отчаянием думал о своем неустроенном душевном хозяйстве, о своем «сердце-пустыре» (так он назвал свое стихотворение той поры), полном хаоса впечатлений и неупорядоченных чувств. В основу своей жизненной программы он возвел принципы самодисциплины и самосовершенствования, которым стремился следовать всегда. В автобиографии он писал: «В 1925 году я окончил институт. За моей душой была объемистая тетрадь плохих стихов, мое имущество легко укладывалось в маленькую корзинку».

Два обстоятельства способствовали утверждению творческой позиции и своеобразной поэтической манеры Заболоцкого – его участие в авангардистском литературном содружестве, называемом объединением реального искусства, сокращенно Обериу, и увлечение живописью П. Филонова, М. Шагала, К. Малевича, Питера Брейгеля. С новыми друзьями – поэтами Д. Хармсом, А. Введенским и другими обериутами Заболоцкого сблизил стремление вырваться за рамки старых традиционных школ, увлечение стихами Хлебникова и настойчивые поиски

новых приемов в поэзии. Обериуты пытались взглянуть на мир «голым глазом» с тем, чтобы увидеть его очищенным от привычных представлений и штампов. Для выражения своих наблюдений они широко применяли алогичную метафору, парадокс, неожиданные столкновения словесных смыслов. Однако, усваивая завоевания новой, авангардистской поэзии, Заболоцкий всегда придавал большое значение смысловой нагрузке стиха, что в конце концов привело к его отдалению от поэзии обериутов и к прояснению стиля.

В 20-х же годах выработалась и другая важная особенность поэтической манеры Заболоцкого – умение видеть мир глазами художника-живописца и мыслить пространственными образами. Такая способность позволила ему использовать опыт не только поэзии, но и живописи, особенно любимого им Павла Филонова, позднее – Питера Брейгеля еще позднее – Рокотова и Боттичелли. Сам поэт сознавал, что его образная система тяготеет к творчеству определенного круга художников. Уже в конце жизни в подготовленную им книжку своих ранних стихов он вклеил и вложил несколько репродукций картин Анри Руссо, тем самым признав близость своих ранних произведений к живописной манере и этого художника.

В 1926 году период ученичества, поисков, становления в поэзии как-то сразу перешел в стадию зрелости, и поэт стал работать как мастер, используя и совершенствуя найденный метод. Наиболее удачными из написанных тогда стихотворений были «Белая ночь», «Красная Бавария» («Вечерний бар»), «Лицо коня» и «Деревья» («В жилищах наших»). Первые два посвящены городской теме и открывают собой ряд произведений блестящего гротеска, преобладавшего в творчестве Заболоцкого 1926 – 1928 годов и принесшего ему известность среди любителей поэзии. Другие два стихотворения – «Лицо коня» и «В жилищах наших» – ознаменовали собой появление натурфилософского направления, которое, начиная с 1929 года станет определять тематику Заболоцкого. Первые строчки второго из этих стихотворений как будто предсказывают и определяют грядущую метаморфозу:

В жилищах наших
мы тут живем умно и некрасиво.
Справляя жизнь, рождаясь от людей,
мы забываем о деревьях.

Приехав в Петроград из далекой провинции, Заболоцкий увидел большой город со всеми его контрастами, всем неприглядным и порочным, усугубившимся трудностями послереволюционного времени. Быт обывателей города 20-х годов, пошлость и бездуховность мещанской стихии города казался поэту особенно отталкивающими. Ему казалось, что пренебрежение естественным существованием человека в единстве и согласии с природой обедняет городских жителей и приводит их к губительному подчинению вещам и быту. И он пишет об этом быте, сознательно гиперболизируя его отрицательные черты. Таковы «Красная Бавария», «Белая ночь» «Новый Быт», «Ивановы», «Свадьба», «Народный дом». Но чуждый и зловещий город одновременно притягивал поэта особой привлекательностью и какой-то филоновской живописностью. Он признавался: «Знаю, что запутываюсь в этом городе, хотя дерусь против него». В результате в его городских стихах звучат не только сатирические нотки, но и мотивы раблезианства, карнавальная пляска, цирковой феерии.

Первая книга Заболоцкого «Столбцы» (1929 г., 22 стихотворения) выделялась своей оригинальностью даже на фоне разнообразия поэтических направлений в те годы и имела шумный успех. В печати появились отдельные одобрительные отзывы. Автора заметили и поддержали виднейшие литераторы: В.А. Гофман, Ю.Н. Тынянов, Н.Л. Степанов, В.А. Каверин, С.Я. Маршак, Н.С. Тихонов, Б.М. Эйхенбаум... Однако время появления книги было совсем не подходящим для ее объективной оценки. В условиях, когда был выдвинут лозунг о неизбежном обострении классовой борьбы при наступлении социализма, рапповские критики стали искать

классовых врагов в литературе и, в частности, дружно ополчились на Заболоцкого. Его дальнейшая творческая судьба осложнилась превратным, прямо-таки враждебно-клеветническим толкованием его произведений.

Но еще до этих яростных критических ударов поэт стал задумываться над путями своего дальнейшего творческого движения. Он понимал, что разработанный им блестящий, гротескный метод не универсален. Он годился для стилизованного, живописного изображения города, но не подходил для выражения откровенных душевных движений и мыслей о величии и трагизме природы. Вместе с тем Заболоцкий отнюдь не отказывался от стихов и опыта, приобретенных в обериутский период. Выступая на дискуссии о формализме (1936 г.), он сказал: «Столбцы научили меня присматриваться к внешнему миру, пробудили во мне интерес к вещам, развили во мне способность пластически изображать явления».

В 1929 году в стихотворении «Обед» он писал:

...Когда б видали мы
не эти площади, не эти стены,
а недра тепловатые земель,
согретые весеннею истомой;
когда б мы видели в сиянии лучей
блаженное младенчество растений, —
мы, верно б, опустились на колени
перед кипящею кастрюлькой овощей.

Поэт так и поступил: он отвел свой взор от площадей и стен города и преклонил колени перед растениями и животными, связанными с человеком родственными узами и ждущими избавления от вековечного взаимного уничтожения и страданий.

В 1929 – 1930 годах была написана поэма «Торжество Земледелия», посвященная взаимоотношениям человека и природы. С самого начала работы был намечен ее стержень: от хаоса – к научной упорядоченности мироздания, от эгоизма – к мудрости коллективного преобразования земледелия и всей природы, от животного существования предков – к победе разума. Поэту казалось, что все живое, пронизанное зачаточным грубым сознанием, ждет от человеческого разума прекращения бездумной эксплуатации растений и животных. Он хорошо помнил слова Хлебникова: «Я вижу конские свободы и равноправие коров».

В круг интересов Заболоцкого все более входили философские проблемы естествознания. Он читал труды Платона, Григория Сковороды, Энгельса, Вернадского... В начале 1932 года познакомился с работами Циолковского, которые произвели на него неизгладимое впечатление. В письме к ученому и великому мечтателю писал: «...Ваши мысли о будущем Земли, человечества, животных и растений глубоко волнуют меня, и они очень близки мне. В моих ненапечатанных поэмах и стихах я, как мог, разрешал их».

В начале 30-х годов были написаны поэмы «Безумный волк», «Деревья», «Птицы», несохранившаяся поэма «Облака», стихотворения «Школа Жуков», «Венчание плодами», «Людейников» – произведения, развивающие натурфилософскую концепцию, которая явно или косвенно служила основой и для более поздних стихотворений Заболоцкого о природе.

Публикация «Торжества Земледелия» в 1933 году вызвала новую волну травли поэта. Совсем недавно войдя в литературу, он уже оказался с клеймом поборника формализма и аполгета чуждой идеологии. Составленная им новая, готовая к печати книга стихов (1933 г.) не смогла увидеть свет. Угрожающие политические обвинения в критических статьях и крушение надежд на сборник стихотворений все более убеждали поэта, что ему не дадут утвердиться в поэзии со своим собственным, оригинальным направлением. Эти обстоятельства породили у него разочарование и творческий спад во второй половине 1933-го, 1934, 1935 годах. Вот тут

и пригодился жизненный принцип поэта: «Надо работать и бороться за самих себя. Сколько неудач еще впереди, сколько разочарований, сомнений! Но если в такие минуты человек колеблется – его песня слета. Вера и упорство. Труд и честность...» И Николай Алексеевич продолжал трудиться. Средства к существованию давала начатая еще в 1927 году работа в детской литературе – в 30-х годах он сотрудничал в журналах «Еж» и «Чиж», писал стихи и прозу для детей. Наиболее известны его перевод-обработка для юношества поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (в 50-х годах был сделан полный перевод поэмы), а также переложение книги Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» и романа Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель».

В январе 1930 года Николай Алексеевич женился на окончившей тот же педагогический институт, что и он, Кате Клыковой. В 1932 году у них родился сын Никита, в 1937 – дочь Наташа. Постепенно положение Заболоцкого в литературных кругах Ленинграда укреплялось. С женой и детьми он жил в «писательской надстройке» на Канале Грибоедова, активно участвовал в общественной жизни писателей города. Такие стихотворения, как «Прощание», «Север», «Горийская симфония», «Седов», получили одобрительные отзывы в печати, в 1937 году вышла его книжка, включающая семнадцать стихотворений («Вторая книга»). На рабочем столе Заболоцкого лежали начатые поэтическое переложение древнерусской поэмы «Слово о полку Игореве» и своя поэма «Осада Козельска», стихотворения, переводы с грузинского... Но наступившее благополучие было обманчивым...

19 марта 1938 года Н.А. Заболоцкий был арестован и на шесть с половиной лет оторван от литературы, от семьи, от свободного человеческого существования. В качестве обвинительного материала в его «деле» фигурировали подписанные под пытками ложные показания двух ранее арестованных писателей и клеветническая обзорная рецензия-донос, определяющая творчество Заболоцкого как «активную контрреволюционную борьбу против советского строя». Несмотря на крайне жестокие допросы, он не признал себя виновным, не наклеветал ни на себя, ни на других интересующих следователей людей. До 1944 года он отбывал незаключенное заключение в исправительно-трудовых лагерях на Дальнем Востоке и в Алтайском крае. С весны и до конца 1945 года, уже освободившись из заключения, он вместе с семьей жил в Караганде. Благодаря хлопотам его друга литературоведа Н. Л. Степанова и заступничеству влиятельных писателей (А. А. Фадеева, Н. С. Тихонова. И. Г. Эренбурга, С. Я. Маршака, П. И. Чагина и др.), в 1946 году Н. А. Заболоцкого восстановили в Союзе писателей, и разрешили жить в столице под негласным наблюдением соответствующих органов. (Документы из «дела» см. в кн.: Никита Заболоцкий. Жизнь Н.А.Заболоцкого. М., 1998; СПб. 2003.)

Начался новый, московский период жизни и творчества опального поэта. Несмотря на все удары судьбы Заболоцкий сумел сохранить душевную прочность и остался верным делу своей жизни – как только появилась возможность, он вернулся к неосуществленным литературным замыслам. Еще в 1945 году в Караганде, работая чертежником в строительном управлении, Николай Алексеевич в свободное от службы время в основном завершил начатый до ареста перевод «Слова о полку Игореве», а в Москве возобновил перевод грузинской поэзии. Переводил он и стихи других народов СССР, а также немецких, итальянских, венгерских и других поэтов. (См.: Н.А. Заболоцкий. Поэтические переводы в 3-х томах. М., 2004 г.)

Период возвращения к поэзии был не только радостным, но и трудным. Счастливые минуты вдохновения сменялись сомнениями, а порой и чувством бессилия выразить то многое, что скопилось в мыслях и искало путь к поэтическому слову. Не случайно в написанных тогда стихотворениях «Слепой» и «Гроза» звучит тема творчества, самовыражения. Но поэт не хотел замыкаться в собственных переживаниях. Так в стихотворении «Уступи мне, скворец, уголок», невзирая на все свои испытания, он восторженно обратил свою душу «к мирозданию лицом», к мирозданию со всеми его противоречиями, горестями и радостями. Но порой и сдерживал себя, еще не вполне доверяя свободе и возрождению своей творческой жизни. С грустной иронией он писал:

Я и сам бы стараться горазд,
Да шепнула мне бабочка-странница:
«Кто бывает весною горласт,
Тот без голоса к лету останется».

Заболоцкий сохранил свой голос. Стихотворения 1946 года, несомненно, относятся к его шедеврам. В них и последующих стихах четко прослеживается логическое продолжение развития творчества 30-х годов. Особенно это заметно в преемственности его натурфилософских представлений, отраженных в таких произведениях 40-х годов, как «Читайте, деревья, стихи Гезиода», «Я не ищущу гармонии в природе», «Завещание», «Сквозь волшебный прибор Левенгука...». Но в новых стихах можно обнаружить и определенное развитие мысли поэта. Ранее Заболоцкий упорно искал смысл взаимопроникновения зла и добра, косности и мудрости, тьмы и разума. Теперь он все более утверждает в мысли, что совокупность законов природы неизбежно направляет ее развитие к торжеству высоких духовно-нравственных принципов. Только оплодотворенный высокой нравственностью разум способен освободить природу от зла и насилия во имя торжества справедливости, взаимной любви, красоты, вдохновенного творчества. В этом направлении развития мироздания проявляется та душа природы, которая так убедительно была изображена в стихотворении «Лесное озеро». Чем старше становился поэт, тем более необходимым ему казалось сотрудничество разума и души. Недаром он писал жене из Алтайского края: «Живая человеческая душа теперь осталась единственно ценной». Когда свое программное стихотворение он начинал словами: «Я не ищущу гармонии в природе», он одновременно утверждал ее страдающую душу, стремящуюся к этой гармонии:

Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодной игрой, —
Как бы прообраз боли человеческой
Из бездн вод встает передо мной.

Общая боль человека и природы может излечиться созидательным творчеством. В «Творцах дорог» и других подобных стихотворениях о труде строителей Заболоцкий продолжает разговор о человеческих свершениях, начатый еще до 1938 года («Венчание плодами», «Север», «Седов»). Дела современников и свой опыт работы на восточных стройках он пытался соизмерить с перспективой создания стройной живой архитектуры природы.

В 50-х годах тема материальных метаморфоз в природе стала уходить в глубь стиха, становясь как бы его невидимым фундаментом и уступая место размышлениям над психологическими и нравственными связями человека и природы, над внутренним миром человека с его собственными чувствами и проблемами.

В стихотворениях московского периода появились ранее несвойственные Заболоцкому душевная открытость, иногда автобиографичность («Слепой», «В этой роще березовой», цикл «Последняя любовь»). Обострившееся внимание к живой человеческой душе привело его к психологически насыщенным жанрово-сюжетным зарисовкам («Жена», «Неудачник», «В кино», «Некрасивая девочка», «Старая актриса»), к наблюдениям над тем, как душевный склад и судьба отражаются в человеческой внешности («О красоте человеческих лиц», «Портрет»). В лицах людей он находит очарование картин Рокотова и Боттичелли. Для поэта гораздо большее значение стали иметь красота природы и ее воздействие на внутренний мир человека. Целый ряд замыслов и работ Заболоцкого был связан с его неизменным интересом к истории и эпической поэзии («Рубрук в Монголии» и др.). Постоянно совершенствовалась его поэтика; формулой его творчества стала провозглашенная им триада: Мысль – Образ – Музыка.

Не все было просто в московской жизни Николая Алексеевича. Творческий подъем, проявившийся в первые годы после возвращения, сменился спадом и почти полным переключением творческой активности на художественные переводы в 1949 – 1952 годах. Время было тревожным. Опасаясь, что его идеи снова будут использованы против него, Заболоцкий зачастую сдерживал себя и не позволял себе перенести на бумагу все то, что созревало в сознании и просилось в стихотворение. Положение изменилось только после XX съезда КПСС, осудившего извращения, связанные с культом личности Сталина. В 1956 году Заболоцкий написал «Историю моего заключения», отразившую наиболее тяжелый период его жизни.

На новые веяния в жизни страны он откликнулся стихотворениями «Где-то в поле возле Магадана», «Противостояние Марса», «Казбек». Дышать стало легче. Достаточно сказать, что за последние три года жизни (1956 – 1958) Заболоцкий создал около половины всех произведений московского периода. Некоторые из них появились в печати. В 1957 году вышел четвертый, наиболее полный его прижизненный сборник (69 стихотворений и избранные переводы), который, однако, включал далеко не все, что хотел бы видеть в своей книге поэт.

С молодых лет он очень взыскательно относился к своим произведениям и их подбору, считая, что нужно писать не отдельные стихотворения, а целую книгу. На протяжении жизни несколько раз составлял такие сборники, свои идеальные своды, тщательно обдумывал их состав и композицию, со временем пополнял их новыми стихотворениями. Прежде написанные – редактировал и в ряде случаев заменял другими вариантами. За несколько дней до смерти, в октябре 1958 года, Николай Алексеевич написал литературное завещание, в котором точно указал, что должно войти в его итоговое собрание, в его Заключительный свод. В одном томе объединил он свои смелые, гротескные стихотворения 20-х годов и классически ясные, гармоничные произведения более позднего периода, тем самым признав цельность своего пути. Можно даже сказать, что в конце жизни у него появилось стремление активнее включать в свою поэзию элементы стиля «Столбцов». Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать его стихотворный цикл «Рубрук в Монголии» (1958 г.), где для описания событий XIII века современным языком потребовался особый юмор, ирония, даже гротеск в сочетании с классической ясностью и живописной образностью.

В заключение следует отметить, что многие произведения Заболоцкого, написанные в конкретных исторических условиях, в основном под впечатлением от созерцания русской природы, носят тем не менее общий, глобальный характер. Они охватывают время и пространство, значительно превосходящие те, в которых жил поэт. Но читатель вправе извлечь из этой безграничности, из этой «целомудренной бездны стиха» то содержание, которое волнует его в его конкретном бытии.

Н.А. Заболоцкий прожил нелегкую жизнь и умер от повторного инфаркта сердца в возрасте 55-ти лет, так и не увидев то время, когда его поэзия стала широко издаваться, переводиться на иностранные языки, всесторонне и основательно изучаться литературоведами. Но он достиг той цели, к которой стремился на протяжении всей своей творческой жизни, – он создал книгу, достойно продолжившую великую традицию русской философской лирики, и эта книга заняла свое место в сокровищнице классической литературы.

Никита Заболоцкий

Столбцы и поэмы (1926—1933)

Городские столбцы

Белая ночь

Гляди: не бал, не маскарад,
Здесь ночи ходят невпопад,
Здесь, от вина неузнаваем,
Летает хохот попугаем.
Здесь возле каменных излучин
Бегут любовники толпой,
Один горяч, другой измучен,
А третий книзу головой.
Любовь стенает под листьями,
Она меняется местами,
То подойдет, то отойдет...
А музы любят круглый год.

Качалась Невка у перил,
Вдруг барабан заговорил —
Ракеты, выстроившись кругом,
Вставали в очередь. Потом
Они летели друг за другом,
Вертя бенгальским животом.

Качали кольцами деревья,
Спадали с факелов отрепья
Густого дыма. А на Невке
Не то сирены, не то девки,
Но нет, сирены, – на заре,
Все в синеватом серебре,
Холодноватые, но звали
Прижаться к палевым губам
И неподвижным, как медали.
Обман с мечтами пополам!

Я шел сквозь рощу. Ночь легла
Вдоль по траве, как мел, бела.
Торчком кусты над нею встали
В ножнах из разноцветной стали,
И тосковали соловьи
Верхом на веточке. Казалось,

Они испытывали жалость,
Как неспособные к любви.

А там вдали, где желтый бакен
Подкарауливал шутих,
На корточках привстал Елагин,
Ополоснулся и затих:
Он в этот раз накрыл двоих.

Вертя винтом, бежал моторчик
С музыкой томной по бортам.
К нему навстречу, рожи скорчив,
Несутся лодки тут и там.
Он их толкнет – они бежать.
Бегут, бегут, потом опять
Идут, задорные, навстречу.
Он им кричит: «Я искалечу!»
Они уверены, что нет...

И всюду сумасшедший бред.
Листами сонными колышим,
Он льется в окна, липнет к крышам
Вздымает дыбом волоса...
И ночь, подобно самозванке,
Открыв молочные глаза,
Качается в спиртовой банке
И просится на небеса.

1926

Вечерний бар

В глуши бутылочного рая,
Где пальмы высохли давно,
Под электричеством играя,
В бокале плавало окно.
Оно, как золото, блестело,
Потом садилось, тяжелело,
Над ним пивной дымок вился.
Но это рассказать нельзя.

Звеня серебряной цепочкой,
Спадает с лестницы народ,
Трещит картонною сорочкой,
С бутылкой водит хоровод.
Сирена бледная за стойкой
Гостей попотчует настойкой,
Скосит глаза, уйдет, придет,

Потом с гитарой наотлет
Она поет, поет о милом,
Как милого она любила,
Как, ласков к телу и жесток,
Впивался шелковый шнурок,
Как по стаканам висла виски,
Как, из разбитого виска
Измученную грудь обрызгав,
Он вдруг упал. Была тоска,
И все, о чем она ни пела,
Легло в бокал белее мела.

Мужчины тоже всё кричали,
Они качались по столам,
По потолкам они качали
Бедлам с цветами пополам.
Один рыдает, толстопузик,
Другой кричит: «Я – Иисусик,
Молитесь мне, я на кресте,
В ладонях гвозди и везде!»
К нему сирена подходила,
И вот, тарелки оседлав,
Бокалов бешеный конклав
Зажегся, как паникадило.

Глаза упали, точно гири,
Бокал разбили, вышла ночь,
И жирные автомобили,
Схватив под мышки Пикадилли
Легко откатывали прочь.
А за окном в глуши времен
Блистал на мачте лампион.

Там Невский в блеске и тоске,
В ночи переменивший краски,
От сказки был на волоске,
Ветрами вея без опаски.
И как бы яростью объятый,
Через туман, тоску, бензин,
Над башней рвался шар крылатый
И имя «Зингер» возносил.

1926

Футбол

Ликует форвард на бегу.
Теперь ему какое дело!

Недаром согнуто в дугу
Его стремительное тело.
Как плащ, летит его душа,
Ключица стучается звонко
О перехват его плаща.
Танцует в ухе перепонка,
Танцует в горле виноград,
И шар перелетает ряд.

Его хватают наугад,
Его отравую поят,
Но башмаков железный яд
Ему страшнее во сто крат.
Назад!

Свалились в кучу беки,
Опухшие от сквозняка,
Но к ним через моря и реки,
Просторы, площади, снега,
Расправив пышные доспехи
И накренья в меридиан,
Несется шар.

В душе у форварда пожар,
Гремят, как сталь, его колена,
Но уж из горла бьет фонтан,
Он падает, кричит: «Измена!»
А шар вертится между стен,
Дымится, пучится, хохочет,

Глазок сожмет: «Спокойной ночи!»
Глазок откроет: «Добрый день!»
И форварда замучить хочет.

Четыре гола пали в ряд,
Над ними трубы не гремят,
Их сосчитал и тряпкой вытер
Меланхолический голкипер
И крикнул ночь. Приходит ночь,
Бренча алмазною заслонкой,
Она вставляет черный ключ
В атмосферическую лунку.
Открылся госпиталь. Увы,
Здесь форвард спит без головы.

Над ним два медные копыя
Упрямый шар веревкой вяжут,
С плиты загробная вода
Стекает в ямки вырезные,

И сохнет в горле виноград.
Спи, форвард, задом наперед!

Спи, бедный форвард!
Над землю
Заря упала, глубока,
Танцуют девочки с зарею
У голубого ручейка.
Все так же вянут на покое
В лиловом домике обои,
Стареет мама с каждым днем...
Спи, бедный форвард!
Мы живем.

1926

Офорт

И грянул на весь оглушительный зал:
«Покойник из царского дома бежал!»

Покойник по улицам гордо идет,
Его постояльцы ведут под уздцы,
Он голосом трубным молитву поет
И руки вздымает наверх.
Он в медных очках, перепончатых рамах,
Переполнен до горла подземной водой.
Над ним деревянные птицы со стуком
Смыкают на створках крыла.
А кругом громобой, цилиндров бряцанье
И курчавое небо, а тут —
Городская коробка с расстегнутой дверью
И за стеклышком – розмарин.

1927

Болезнь

Больной, свалившись на кровать,
Руки не может приподнять.
Вспотевший лоб прямоуголен —
Больной двенадцать суток болен.
Во сне он видит чьи-то рыла,
Тупые, плотные, как дуб.
Тут лошадь веки приоткрыла,
Квадратный выставила зуб.
Она грызет пустые склянки,

Склонившись, Библию читает,
Танцует, мочится в лоханки
И голосом жены больного утешает.

«Жена, ты девушкой слыла.
Увы, моя подруга,
Как кожа нежная была
В боках твоих упруга!
Зачем же лошадь стала ты?
Укройся в белые скиты
И, ставя богу свечку,
Грызи свою уздечку!»

Но лошадь бьется, не идет,
Наоборот, она довольна.
Уж вечер. Лампа свет лиет
На уголок застольный.
Восходит поп среди двора,
Он весь ругается и силы напрягает,
Чугунный крест из серебра
Через порог переставляет.
Больному лучше. Поп хохочет,
Закутавшись в святую епанчу
Больного он кропилом мочит,
Потом с тарелки ест сычуг,
Наполненный ячменной кашей,
И лошадь называет он мамашей.

1928

Игра в снежки

В снегу кипит большая драка.
Как легкий бог, летит собака.
Мальчишка бьет врага в живот.
На елке тетерев живет.
Уж ледяные свищут бомбы.
Уж вечер. В зареве снега.

В сугробах роя катакомбы,
Мальчишки лезут на врага.
Один, задрав кривые ноги,
Скатился с горки, а другой
Воткнулся в снег, а двое новых,
Мохнатых, скорченных, багровых,
Сцепились вместе, бьются враз,
Но деревянный ножик спас.

Закат погас. И день остановился.
И великаном подошел шершавый конь.
Мужик огромной тушею своей
Сидел в стропилах крашенных саней,
И в медной трубке огонек дымился.

Бой кончился. Мужик не шевелился.

1928

Часовой

На карауле ночь густеет.
Стоит, как башня, часовой.
В его глазах одервенелых
Четырехгранный вьется штык.
Тяжеловесны и крылаты,
Знамена пышные полка,
Как золотые водопады,
Пред ним свисают с потолка.
Там пролетарий на стене
Гремит, играя при луне,
Там вой кукушки полковой
Угрюмо тонет за стеной.
Тут белый домик вырастает
С квадратной башенкой вверху,
На стенке девочка витает,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.